

Евгений Гончаров

ПАРУСНИК МААКА

Повесть — ретроспектива

Евгений Гончаров

**Парусник Маака.
Повесть – ретроспектива**

«Издательские решения»

Гончаров Е.

Парусник Маака. Повесть – ретроспектива / Е. Гончаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838266-6

Прототипом этой повести стала книга «Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, в 1855 году, Р. Мааком», 1859 г. В оформлении обложки использована иллюстрация из книги «Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи», 1868 г.

ISBN 978-5-44-838266-6

© Гончаров Е.
© Издательские решения

Содержание

Тетрадь в коленкоровом переплете	6
«Амурский ротан»	7
Недолгие провода	12
Мы едем, едем, едем	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Парусник Маака Повесть – ретроспектива

Евгений Гончаров

© Евгений Гончаров, 2017

ISBN 978-5-4483-8266-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тетрадь в коленкоровом переплете

После развода с женой и раздела нашей трехкомнатной квартиры мне досталась однушка в двухэтажном доме послевоенной постройки. Скрипучая деревянная лестница, площадка на три квартиры, высокие потолки и комната в два окна, с тесной кухонькой и совмещенным с ванной унитазом – общей площадью 30 квадратов. Да, забыл, еще ветхий балкон, на который страшно выйти без парашюта.

Расставив привезенный скарб и подключив Интернет, я отправился искать старшего дома, чтобы узнать, который из подвальных чуланов мой. Моя кладовка была первый от входа налево. Прежде чем занести туда сетку картошки и картонную коробку с луком, мне предстояло освободить чулан от хлама, оставшегося от старых хозяев.

К моей радости, наследства было немного, да и то оказалось не совсем бесполезным.

Ну, кто сейчас выбрасывает на мусорную площадку старый венский стул, который после несложной реставрации может стать украшением квартиры в стиле ретро. В фанерном футляре я обнаружил ручную швейную машинку Подольского завода, производства 1963 года – вещь вполне антикварную, и достойную того, чтобы стоять в моей квартире на почетном месте.

Годовые комплекты журнала «Коммунист» застойного брежневского периода интереса для меня не представляли, и были вынесены на свалку истории. Затем на мусорную площадку, по той же причине, последовали собрания сочинений лауреатов Сталинских и Ленинских премий, Героев Социалистического Труда Айтмата Чингизова и Турсуна Мирзо-заде. Свернутый рулоном узбекский ковер и неполный чехословацкий хрустальный сервиз также пошли на вынос.

В тусклом свете 20-ваттной лампочки накаливания под раздачу чуть не попала и старая тетрадь в коленкоровом переплете. Только выйдя из подвала на свет дня, я рассмотрел, что было в этой общей тетради. Я увидел записи, сделанные чернильным пером – каллиграфическим почерком, с наклоном и нажимом. Но главное, с архаическими «#», «i» и твердыми знаками в конце слов.

Вечером, поставив на вертушку винил и поудобней улегшись на диване, я открыл старую тетрадь. Чтение захватило меня с первых строчек.

Это была рабочая тетрадь благовещенского журналиста, жившего во второй половине XIX века. Звали-величали его Дмитрием Макухиным, и был он штатным автором в еженедельном литературно-сатирическом издании «Амурский ротан», почившего в бозе, не успев родиться на божий свет (увы, бывает и так, когда речь идет о газете или журнале). Чтобы не испортить неподражаемого стиля Дмитрия Макухина, я публикую его тетрадь полностью, но с изменениями, выражающимися во вставке слов и целых предложений, утраченных в тех местах, где листы были попорчены мышами. А поскольку многие поколения мелких грызунов постарались на славу, за достоверность этой перепечатки я могу ручаться лишь на 85 процентов. Как говорится, слава Гуглу и Википедии!

«Амурский ротан»

Когда в Благовещенск из Петербурга была доставлен новый журнал «Ревизор», я обратил внимание на статейки, напечатанные в разделе «Фельетоны». Критическое содержание и саркастический тон этих заметок, авторы которых скрывались за подписями Старый брюзга, Недовольный ворчун, Язва московская и прочими подобными, подвигли меня на подражание. Озарённый вдохновением, я в один присест написал свой первый фельетон.

НЕ ОБМАНЕШЬ – НЕ ПРОДАШЬ

Земля амурская слухом полнится, что в Благовещенске есть чиновники и купцы, взявшие себе девизом русскую народную присказку «Рука руку моет, вор вора кроет». Вдвоем можно добиться того, чего одному не удаётся. И хорошо, если такой дружеский союз заключен во благо себе и обществу. А если во благо себе, но во вред обществу? Увы, бывает и так.

В Благовещенске за такими примерами далеко ходить не надо. Вот последний случай, живо обсуждаемый во всех домах и присутственных местах.

Скоро будет год, как в городе существует Дом призрения престарелых и увечных отставных нижних чинов. Сие заведение находится под покровительством городского головы, благотворителями и жертвователями его являются уважаемые граждане города.

Заглянем же в столовую этой богадельни и посмотрим, что там варится в котле для призираемых инвалидов.

Вот в бочках соленая кета, а вот в мешках просяная крупа. Согласно записям в амбарной книге, кета эта последнего улова, а просо привезено из-под китайского города Гирина. Но что мы видим при ближайшем рассмотрении? Кета в бочках заветрена и с неприятным душком. Просяная крупа мелкая и засоренная отходами молотьбы. В лабазах Благовещенска ходят слухи, что это вовсе и не кета, а горбуша, и хранится она уже, самое малое, три года, а просяная крупа самого низкого сорта куплена здесь же неподалеку – у зазейских маньчжуров.

Кто же поставщик залежалых и скверного качества продуктов? Купец второй гильдии Яков Фролович Кузеванов, пять лет назад начинавший с лоточной торговли снедью и шинкарства (незаконное изготовление, хранение и торговля спиртными напитками). А кто принимал и оплачивал эти поставки? Чиновник А. из канцелярии при городском голове. Плохо верится, что здесь не обошлось без подкупа должностного лица.

Что же это выходит?! На сиротский стол попали некачественные продукты, за которые еще и заплачено втридорога! А нажились бессовестный купчишко и жадный крючкотвор.

Заглянем в большой энциклопедический словарь Konversations-Lexikon и найдем там подходящее к этому случаю слово *corruption*, в переводе с немецкого языка означающее: подкуп, порча, продажность и разложение.

На вопрос: «Куда мы катимся?», есть только один ответ: «Мы катимся в пропасть!».

P. S.

Кстати, обозначенный купец является и поставщиком интендантской службы Благовещенского гарнизона. Что в котле у наших доблестных воинов?

Дятел благовещенский.

Запечатав свой фельетон в конверт, я отправил его в редакцию журнала «Ревизор». С очередной доставкой почты из Петербурга пришел последний номер сего издания, в котором я, к своей неопишуемой радости, обнаружил произведение, вышедшее из-под моего пера.

Окрыленный успехом, в тот же вечер я написал фельетон в стихах.

ПОЧЕМУ МУКА СТОИТ 5 РУБЛЕЙ¹

Прежде был я – как яблок наливный,
А теперь я – как спичка! Ей-ей!
Это что же? Зерно-то – 3 с гривной,
А мучица-то 5 аж рублей!!!
О, наивный обыватель!
Как же глуп и темен ты!
Загибай за мной, приятель,
На руках свои персты!
Ну, считай: зерно – 3—20,
А теперь гляди, земляк:
Чтоб отмерить, ссыпать, взвесить —
Положи еще пятак.
На усушку, на утруску,
На подноску, на разгрузку,
Тут, приятель, как ни как,
А добавишь четвертак,
Дальше: возчики,
Переносчики,
Посыльные,
Рассыльные,
Да затем на контрагентов
Тоже надо что-то дать.
Хочешь не хочешь, а процентов
Положи, примерно, пять.
И торговый комитет
Себе просит на обед:
На бумагу и чернила,
Чтоб в казне не пусто было.
Дальше – подходим к помолу:
30 копеек гони мукомолу,
Пока мука дойдет до куля,
Глядь, набежало еще до рубля.
А пока доставишь в лавку —
Тоже сделаешь прибавку:
На извозчиков,
Переносчиков.
Чтобы счесть, сколь пуд утратит,
Чтобы все принять на вид —
Я боюсь, перстов не хватит
И у всех, кто тут сидит!!!
Пока кусок несешь до рта,
Не остается ни черта!

Дятел благовещенский.

¹*Сокращенное и немного измененное одноименное стихотворение, опубликованное в еженедельном литературно-сатирическом издании «Дятел беспартийный», №1 от 14 (27) января 1918 г., стр. 11.*

И опять, получив очередной номер «Ревизора», я увидел напечатанным свое произведение.

Решив испробовать свое перо в новом жанре, я сходил в городской храм Талии и Мельпомены, после чего родил на свет рецензию на спектакль.

СКАЗКА ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЕК?

В новом здании Благовещенского театра, построенном на добровольные пожертвования горожан разных сословий, поставлена комедия «Ябеда»².

Кратко о содержании этой нравоучительной комедии.

Отставной асессор Праволов – ябедник и сутяжник, затевает процесс против служащего полковника Прямикова – бесхитростного и порядочного человека, чтобы отсудить у того законное наследство – имение отца. Праволов заявляет, что это имение ранее уже куплено им, а Прямиков не тот, за кого себя выдает.

Праволов дает председателю гражданской судебной палаты Кривосудову взятку, и тот соглашается решить дело в его пользу. Прокурор, секретарь и члены судебной палаты также задобрены Праволовым.

На именинах у Кривосудова заходит разговор о назначении нового губернатора – Правдолюба. Судейские опасаются, как бы им самим не попасть в кутузку из-за взяток, ведь Правдолюб честен и неподкупен, рассматривает по справедливости все жалобы.

Пьяные гости поют:

Бери, большой тут нет науки
Бери, что только можно взять,
На что ж привешены нам руки,
Брать, брать, брать.

Решением судебной палаты имение Прямикова отдано Праволову.

Но тут приходит два пакета из Сената. В первом – приказ, сковав, под стражу взять Праволова – ябеду, разбойника и душегуба. Во втором – приказ, судить всю гражданскую палату уголовным порядком за взятки и толк кривой в делах.

Кроме того, что игра актеров любительской труппы отставляет желать лучшего, а театральные декорации состоят из старой мебели Общественного собрания, сказать об этой постановке мне почти нечего.

Забыв слова своей роли, то один, то другой актер с мольбой смотрит в сторону будки суфлера. Так и хочется спросить такого: «Если у тебя отшибает память, так зачем же ты лезешь в лицедеи?»

Шепелявость Софьи – невесты Прямикова, при каждом ее появлении на сцене вызвала гомерический смех в зале. Но после спектакля выяснилось, что это просто дефект речи у артистки.

После просмотра комедии «Ябедник» у благовещенского зрителя неизбежно и закономерно возникает вопрос: «Не намек ли это на местное кривосудие и скорую смену нашего губернатора?»

P. S.

Объективности ради нужно также сказать, что буфет с напитками и закусками, устроенный в антракте между действиями спектакля, был выше всяческих похвал.

Дятел благовещенский.

²*Комедия «Ябеда», драматург Василий Васильевич Капнист (1758 – 1823).*

В свежем номере журнала «Ревизор» моя заметка была напечатана в разделе «Театральная критика».

При выходе с почты, меня остановил какой-то господин в черном кителе с эмблемами в петлицах – в виде двух перекрещенных электрических разрядов в обрамлении двух почтовых рожков, и в фуражке с синим кантом и такой же кокардой, представившийся Прохором Кузьмичом Полозовым – помощником начальника почтово-телеграфной конторы города Благовещенска.

– Поздравляю вас, господин Макухин, с успешным дебютом на ниве журналистики! – сказал он, энергично пожимая мне руку.

– Откуда вы узнали? – удивился я.

– Используя английский дедуктивный метод, – отвечал Полозов. – Я сопоставил два факта. Первый: только вы трижды отправляли письма в адрес редакции журнала «Ревизор». И второй: вскоре в этом журнале трижды появились сатирические зарисовки автора из Благовещенска, скрывающего свое настоящее имя за псевдонимом Дятел благовещенский.

– Надеюсь, вы никому не раскроете мое инкогнито? – попросил я.

– Клянусь здоровьем моей матери! – обещал Прохор Кузьмич. – Будьте так добры, составить мне компанию – я приглашаю вас в ресторацию.

Через полчаса, угощая меня шампанским вином и устрицами из Шанхая в отдельном кабинете кафе-шантана «Версаль», мой новый знакомый изливал мне свою душу:

– Посудите сами, Димитрий Егорович, какие у меня перспективы карьерного роста? Дослужиться до должности начальника городской почтово-телеграфной конторы или, не дай Бог, быть назначенным начальником отделения 6-го разряда в какую-то Тмутаракань. Положить жизнь и здоровье на алтарь служения государству и уйти на пенсию после 35 лет беспорочной службы в чине коллежского секретаря с годовым содержанием 600 рублей? Нет уж, увольте, это не для меня! После Рождества Христова подам прошение о досрочной отставке.

– Чем думаете заняться потом? – поинтересовался я для приличия.

– До недавнего времени собирался вложить свои скромные накопления в золотодобычу. Но буквально вчера вечером переменял свои жизненные планы и решил заняться издательским делом, – с горячечным жаром говорил Полозов. – Печатать свой журнал – все одно, что печатать ассигнации.

– Полагаете, это так выгодно?

– Несомненно! Скандальные сообщения вызывают ажиотажный интерес читающей публики. Тираж еженедельного городского литературно-юмористического журнала 200 экземпляров будет обеспечен. Если продавать одну книжку журнала за полтинник, получится 400 рублей месячного дохода. Приплюсуйте сюда платные объявления по 25 копеек за строку, станет еще на 100 рублей больше. За вычетом всех накладных расходов, останется не менее 300 рублей чистой прибыли за месяц. Недурственно?!

Но не все измеряется презренным металлом. Издатель и редактор городского журнала – уважаемый в обществе человек, с мнением которого считаются не только толстосумы, но и власть предержащие. Одна лишь острая критическая статья может низвергнуть любого сильного мира сего. После власти Государя-Императора, Святейшего Синода и Сената, я убежден в этом, четвертой российской властью станет журналистика.

Я слушал его с открытым ртом. Наконец, выпитое шампанское урожая 1860 года так ударило мне в голову, что я уже смотрел на Полозова, как на нового Мессию, был готов стать его апостолом и повсюду следовать за ним. К чему он меня, собственно, и призывал.

– Я предлагаю вам стать моим компаньоном, – предложил Прохор Кузьмич.

– Но я крайне стеснен в деньгах, – честно предупредил я.

– Ваш вклад в наше общее предприятие будет состоять не из материального, а из интеллектуального капитала, – сказал Полозов. – Литературный талант, которым вы владеете, эквивалентен тысяче золотых червонцев.

Польщенный столь высокой оценкой своего литературного творчества, я согласился стать компаньоном Полозова по изданию журнала города Благовещенска, название которого мы тут же и придумали – «Амурский ротан»³

³Ротан (Perccottus glenii) – хищная рыбка с большой пастью, способная заглотить особь более крупного, чем она сама, размера, обитает в водоемах бассейна реки Амур.

Я работал конторщиком у пароходчика Сомова. На следующее утро я подал заявление на расчет.

Тем же день я посетил Полозова на его квартире. Встреча была рабочая – мы обсудили планы по созданию нашего журнала.

Как выяснилось, мой компаньон хочет иметь собственную типографию, чтобы не быть зависимым от кого-либо. Кроме того, пояснил Прохор Кузьмич, это позволит вместе с изданием журнала печатать на продажу разнообразную канцелярскую продукцию, как то амбарные книги и бланки.

Полозов предложил мне незамедлительно поехать в Петербург для покупки типографского оборудования. Дорожные расходы до столицы и обратно, а также мое проживание в Петербурге на постоялом дворе, составляли одну четверть всех расходов на покупку и доставку типографии. Чтобы сделать эти затраты менее разорительными для дела, он предложил мне одновременно с главным заданием выполнить еще одно поручение.

Мне предстояло найти в столице какого-нибудь известного человека и взять у него большое интервью, которое мы потом будем публиковать по частям в номерах нашего журнала.

– У кого же мне взять интервью? – спросил я.

– Да хоть у Ричарда Карловича Маака, который раньше много бывал в наших краях, а сейчас какой-то важный чин в Петербурге.

– Кто такой?

– Говорят, он первый открыл черемуху, – Полозов указал в открытое окно, за которым буйно цвела раскидистая черемуха⁴.

⁴По своему невежеству господин Полозов не знал, что в его дворе росла черёмуха азиатская (Padus asiatica) – местная разновидность черёмухи обыкновенной (Prúnus párus). Маак же открыл совершенно новый вид черемухи, позднее названный в его честь (Padus maackii).

– Как же можно открыть... дерево?

– А вы пойдите и спросите у него.

– Адрес дадите?

– Да его там каждый извозчик знает.

Недолгие проводы

Итак, я начал сборы в дальнюю дорогу. Значительную часть пути мне предстояло проехать на почтовых лошадях – архаичном транспорте прошлого века. Ускорить передвижение по почтовому тракту можно, если менять лошадей в первую очередь, но для этого нужна официальная бумага, подтверждающая, что вы едете по казенной надобности – подорожная.

– Хорошо бы мне получить подорожную от вашей конторы, – сказал я Полозову. – Вы можете поспособствовать?

– Мой начальник не позволит, – ответил он. – Может, нам самим состряпать подорожную?

– Я не хочу угодить в тюремный замок за подделку документов! – нервно возразил я.

– Как же тогда нам быть?

– Ладно, есть одна мыслишка, – вспомнил я про обширные связи пароходчика Сомова.

К своему бывшему хозяину я шел с дрожью в коленях – крут норовом был Фрол Лаврович, хотя и быстро отходчив.

– Здравствуйте, – приветствовал я Сомова, не слыша своего голоса.

– Здорово, коль не шутишь. Зачем пришел?

– В Петербург еду в командировку – от журнала.

– Ну и скатертью дорожка.

– У меня к вам просьба

– Какая?

– Подорожную надо выправить, что еду по казенной надобности.

– Как прижало, Фрол Лаврович, помоги? А с какой стати я буду тебе помогать? Ты мне не кум, не сват и не брат.

Тут мне на ум пришла интересная мысль:

– Фрол Лаврович, забудем старые обиды. Вдруг и я вам когда-нибудь пригожусь.

– Чем ты мне, босяк, можешь помочь? – удивился тот.

– Напишу про ваше пароходство статью хвалебную и напечатаю в нашем журнале.

– А сможешь?

– Вот те крест! Чтобы у меня язык отсох, если обману, – побожился я в красный угол на иконы.

– Разжалобил ты меня. Есть у меня человечек прикормленный в канцелярии генерал-губернатора, – подобрел Сомов. – Но и у меня к тебе есть просьбишка.

– Слушаю вас.

– Там, в Петербурге, говорят, много публичных домов.

– Наверно много, столица все-таки – культурный центр страны.

– Продаются там альбомчики с гелиографическими картинками, на которых сценки всякие, – тут старый развратник зарделся лицом, как не целованная гимназистка.

– Порнография, что ли?

– Вот, вот! Где парно амурным утехам предаются. Привези мне пару-тройку таких альбомчиков. Я тебе хорошо заплачу.

– Буду рад оказать вам эту мелкую услугу.

– И еще просьба-с.

– Я весь внимание.

– Квашня моя все уши прожужжала. Корсет хочет французский.

– Похожу по дамским салонам, обязательно куплю. Только вы мне размер Матильды Карповны напишите.

– Завтра после обеда за подорожной зайдешь, я тебе и размер корсета дам, и денег на дорогу подброшу.

Матушка моя, услышав о моем скором отъезде, сильно огорчилась:

– Митенька, как же мы без тебя будем?! Кто дров наколет, огород вскопает?

– Не убивайтесь вы так, маменька. Вот вам пять рублей серебром – наймете китайцев, и они вам все сделают.

– Да боюсь я их, нехристей.

– Будет что не так, зовите дворника – он им шею-то намылит.

– Ты же привык к домашней еде – гастрит желудка в дороге наживешь.

– Не беспокойтесь – для этого на тракте есть постоянные дворы с буфетами.

– Только ты там с купцами водку-то не пей. Обещай мне!

– Обещаю, что не возьму в рот ни капли водки с купцами, – заверил я матушку.

Забрать подорожную я пришел уже с саквояжем и корзинкой с бутылкой топленого молока и домашними пирожками.

Передавая мне конверт, Сомов говорил:

– Там подорожная, размер Матильды и, как обещал, денег немного. Ты на каком пароходе до Сретенска поедешь?

– На «Муромце».

– Билет уже купил?

– Да, за пять рублей с полтиной.

– Сдай в кассу. Я тебя бесплатно на «Матильду» посажу. Едем вместе на пристань.

На пристани я сдал билет на «Муромца», выручив свои деньги. И Сомов повел меня на свой пароход «Матильда». Поселив меня в одноместной каюте первого класса, пароходчик сказал:

– До отплытия еще полтора часа. Пойдем в «Поплавок» – закусим и выпьем на посошок.

В буфете на дебаркадере, покачивавшемся на волнах, я уже ощущал себя в пути.

Памятуя свое обещание маменьке, я пил исключительно портвейн. Сомов же налегал на коньяк.

Через час Фрол Лаврович уже решил проводить меня до Сретенска, и он так и поступил бы. Но его намерению помешала Матильда Карповна, вдруг подъехавшая к пристани на пролетке. Своей могучей рукой она вытащила своего благоверного за шиворот из-за стола и потащила к коляске. Я сопровождал чету Сомовых, держа в руках картуз Фрола Лавровича, забытый им в буфете.

Усадив размягшего Сомова в бричку, запыхавшаяся Матильда Карповна обратилась ко мне:

– Митенька, когда будете покупать корсет, попросите шнурков про запас. И еще, поищите последнюю новинку парижской моды – чулки с поясом. Берите большого размера и тоже несколько пар про запас.

– Вот, возьмите, – Матильда Карповна достала из-за пазухи кошелек и отсчитала мне сто рублей кредитными билетами достоинством 5, 3 и 1 рубль.

Через пять минут я стоял на верхней палубе, наблюдая, как заканчивается посадка, матросы убирают трап и отдают швартовы. Потом, по команде капитана, машина увеличила обороты, и пароход отчалил от дебаркадера. Белая свежеекрашенная «Матильда», взбивая колесом за кормой пену, пошла вверх по течению со скоростью 8 верст (1 верста = 1,0668 км) в час.

Мы едем, едем, едем

Через пять дней мы причалили к пристани Сретенска.

Здесь заканчивается сухопутная дорога из России, и переселенцы и всякого рода охотники за удачей садятся на пароходы, плывущие вниз по Шилке и Амуру. Проевшись до нуля в пути и в ожидании навигации, пришлый люд легко идет на преступления – кражи, грабежи и разбой здесь обычное повседневное явление.

Еще на пароходе я нашел себе двух попутчиков до Иркутска. На бирже извозчиков мы вкладчину наняли карету и, Богу помолясь, поехали. Наш кучер был из Иркутска, и пара его лошадок, чуя приближение к дому, бежала резво. Через 13 дней, с короткими ночевками в придорожных селах, мы были на месте.

Распрощавшись со спутниками, я вручил свое брненное тело станционным смотрителям и кучерам.

Когда проехали Ачинск, на задок кареты сели два вооруженных казака.

– Чем вызвана такая необходимость? – спросил я у станционного смотрителя.

– Разбойнички в лесу опять пошаливают, – отвечал тот. – Вчера обоз с китайскими товарами из Кяхты ограбили. Возчики, было, сопротивление оказали, так лихие люди одному из них кистенем голову проломили.

Все обошлось благополучно, но этот прогон оставил самые яркие впечатления от всей поездки – за каждым деревом мерещилось по разбойнику.

Государственная дорога должна быть не уже 3-х сажень, утрямбована и присыпана песком, гравием или камнем, с водоотводными канавами и крепкими мостами, с верстовыми столбами и указателями, с колодцами через определенные расстояния.

Но, в полном соответствии с поговоркой: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги», на самом деле все было не так. На большем протяжении тракт представлял собой подновленные скотопрогонные и торговые пути, оставшиеся со времен татаро-монгольского нашествия.

Изредка встречались крестьяне, несущие государственную повинность по ремонту и содержанию дороги, они работали без усердия, как и подобает подневольным людям.

На довольно протяженных участках тракт оказывался столь разбитым, что возницы объезжали эти непроходимости стороной, и в итоге дорога разделялась надвое и натрое. При дожде лошади шли по пузо в воде, а пролетки и кареты впору было заменить лодками и баркасами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.